

Наша внешняя политика

Война и Мир

Эррико Малатеста

7 марта 1914

Строго говоря, у нас не может быть внешней политики, поскольку мы находимся и хотим находиться вне и против нынешнего раздела мира на соперничающие государства.

Для нас нет чужих. Мы хотим, чтобы все люди – каково бы ни было их место рождения, каков бы ни был этнический корень, из которого они происходят, каков бы ни был язык, на котором они говорят, – считали себя братьями, свободно объединялись в группы и сотрудничали вместе ради большего благосостояния, большей свободы, большей цивилизации для всех.

И поскольку это всеобщее братство, эта гармонизация всех интересов, всех стремлений в обширном единстве (единстве человеческого рода), которое уважало бы и благоприятствовало свободному развитию всех различий, полной автономии всех индивидов и всех групп, всё ещё остаётся идеалом, противостоящим суровой реальности сегодняшнего дня; поскольку люди всё ещё разделены на угнетённых и угнетателей, и одни живут, эксплуатируя труд других, а трудящиеся несут бремя всех общественных тягот, стеснены в своём материальном и моральном развитии и часто низведены до самой убогой и оскотинивающей нищеты, – мы стоим, какой бы ни была наша страна рождения или место жительства, на стороне угнетённых против угнетателей, трудящихся против паразитов, не считаясь ни с какими политическими группировками, на которые исторические события, интересы и амбиции хозяев – пусть даже благоприятствуемые особыми природными условиями – разделили человечество.

Если кто-то хочет говорить об иностранцах, то для нас иностранец – не тот, кто родился по ту сторону границы и говорит на другом языке или имеет другой цвет кожи; – иностранец, враг – это угнетатель, это эксплуататор, это всякий, в любой стране, кто подчиняет другого человека своей воле.

— «Но мы, несмотря на наш космополитизм, всё же должны жить в государстве, в котором находимся, и подчиняться его политическому режиму. Мы можем в идеале чувствовать солидарность как с рабочим из далёкой страны, так и с тем, кто работает рядом с нами, мы можем ненавидеть иностранные правительства так же, как

национальное; но на практике именно с соседями солидарность или борьба живее, сердечнее, действеннее».

Так скажите же нам те, кто, не будучи в состоянии сделать нас патриотами и националистами с помощью обычных аргументов, основанных на преступной ненависти и глупом тщеславии, полагают, что могут воззвать к нашим боевым инстинктам и заставить нас принять самые реакционные теории под личиной революционности. И мы принимаем их тезис. Мы, несмотря на наши идеи, по необходимости итальянские граждане, то есть подданные правительства Италии; и потому это правительство угнетает нас и влияет на нас больше, чем могло бы, например, правительство Японии; и мы в свою очередь можем сделать против правительства Италии то, чего у нас не было бы средств сделать против правительства далёкой страны. Итак, вывод: для анархиста главный враг – тот угнетатель, который ближе всего к нему и против которого он может бороться эффективнее. Для итальянского анархиста и вообще для всякого итальянского рабочего, стремящегося к освобождению своему и своих товарищей, прежде всего необходимо бороться с правительством Италии и с хозяевами Италии, то есть с теми, кто называет себя нашими согражданами и соотечественниками и во имя нации и отечества хотел бы, чтобы мы покорно принимали их господство. Это ли вывод, к которому они хотели прийти? Если да, мы согласны.

Говорят, что националистическое и патриотическое чувство – это факт, и потому его надо принять.

Религия, преступность, нищета, рабство и тысяча индивидуальных или коллективных отклонений – тоже факты. Неужели нам поэтому придётся принять всё и отказаться от всякого действия ради улучшения положения?

Патриотическое чувство, когда оно не просто шумиха, делаемая в интересах класса, и действительно существует в народном сознании, бывает хорошим или дурным в зависимости от обстоятельств: хорошим, когда оно служит тому, чтобы воодушевить на восстание против угнетателя, который оказывается иностранцем; дурным, когда оно толкает угнетать других и лучше принимать отечественное угнетение. Оно всегда остаётся чувством низшим, которое цивилизация должна будет заменить широким чувством человеческого братства, но оно почтенно и может развиваться и расширяться, если признаёт и уважает в других право на равное чувство, то есть когда, требуя родину для себя, оно умеет уважать родину других или, ещё лучше, умеет бороться, как уже делают итальянские патриоты, чтобы помочь другим отвоевать родину. Напротив, оно презренно и ведёт к самым ужасным злодеяниям и самому жалкому разложению, если служит удовлетворению преступных инстинктов грабежа и господства.

Правительства и правящие классы используют патриотическое чувство (как и тот другой человеческий недостаток – религиозное чувство), чтобы народ лучше принимал их власть и чтобы втягивать народ в войны и колониальные предприятия, делаемые для их, правящих классов, исключительной выгоды. И их теоретики говорят, что выше борьбы между бедными и богатыми, между пролетариями и собственниками есть национальная солидарность, объединяющая в общем чувстве и интересе весь народ одной страны, всех членов одной нации.

Естественно, это доктрина для подданных, ибо что касается правителей, они обращаются со своими соотечественниками как с пушечным мясом, помещают свои деньги туда, где они дают больше процентов, предпочитают рабочих, которые производят больше и довольствуются меньшим, покупают и продают на более выгодном рынке, заботясь только о своей выгоде и совершенно равнодушные к страданиям своих соотечественников.

Но даже если бы это было правдой – а иногда это так, как бывает и в отношениях между разными провинциями одного государства или между разными категориями рабочих, – даже если бы было правдой, что от грабежа и чрезмерной эксплуатации какая-то материальная выгода досталась бы части или, возможно, всему пролетариату страны-завоевательницы, завоевание или соучастие в завоевании тех, кто называет себя друзьями рабочих, было бы не менее достойно осуждения – как с высшей точки зрения справедливости и человеческой свободы, так и с точки зрения прочных интересов самого пролетариата, который на мгновение может извлечь из этого выгоду, но затем расплачивается за преступление монетой рабства.

Убийство всегда гнусное дело, и оно унижает и оскотинивает того, кто его совершает, даже если оно его обогащает... не говоря уже о том, что в большинстве случаев рано или поздно оно оказывается плохой сделкой!

Мы против буржуазного класса, мы стоим против государства и вне его – и мы призываем рабочих делать то же самое – как в мире, так и на войне.

Социал-демократы, – говоря, что хотят революционизировать весь капиталистический порядок, затем делают работу по сохранению общественного порядка, стараясь сделать текущее положение вещей более терпимым и более приемлемым, или вернее стараясь дать надежду, что новые законы смогут исправить худшие беды, – могут быть заинтересованы в отношениях с иностранными государствами, в торговых договорах, в господстве на морях и подобных забавах. Республиканцы, которые вместо того чтобы думать о создании республики, озабочены нравственным обликом монархии, разоблачая воровство депутатов и скандальные любовные связи генералов, могут встать на сторону тройственного союза¹ или тройственной Антанты² и беспокоиться о силе и престиже Италии. Социалисты и республиканцы стремятся прийти к власти – некоторые, возможно, при монархии – и для них естественно заниматься искусством государственного деятеля.

Но мы, кто действительно хочет ниспровергнуть нынешнюю общественную систему, мы, кто не довольствуется простыми улучшениями, мы, кто верит, что те ограниченные улучшения, которые капиталистическая система могла бы даровать, не отрицая себя, не будут получены или не будут полезны и действенны, если их не вырвать сопротивлением и угрозой пролетариата, борющегося против хозяев, – мы не можем иметь никаких добровольных отношений с государством и не имеем с ним дела, кроме как постольку, поскольку можем подорвать его силу и существование.

¹ Тройственный Союз Германии, Австрии и Италии.

² Союз Франции, России и Великобритании.

Нам говорят, что цивилизация распространяется войной.

Если бы это было правдой, нам в любом случае следовало бы сначала подумать о том, чтобы самим стать цивилизованными, то есть сначала завоевать свободу и общественное богатство для себя, заставить исчезнуть среди нас нищету, невежество, угнетение, алкоголизм, проституцию, а затем нести другим блага, которых мы сумели бы достичь для себя.

Нести резню в другие страны, чтобы предложить им капитализм и парламентский режим, чтобы добавить беды нашей цивилизации к бедам их цивилизации, было бы безумием, если не делом преступников.

Но это неправда. Война, насилие не производит цивилизацию, а производит варварство, рабство, ненависть, нищету: она угнетает побеждённого, развращает и ожесточает победителя.

Нет святой войны, кроме той, что ведётся, чтобы освободиться от угнетения, нет справедливого насилия, кроме того, что отражает насилие.

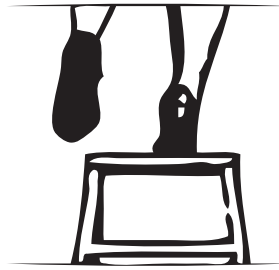
Цивилизация распространяется пропагандой, примером, благами; и если однажды освобождённым рабочим Европы придётся нести оружие среди отсталых народов, то не для того, чтобы угнетать их, не для того, чтобы навязывать им образ жизни, который они не ценят, но чтобы помочь им освободиться, избавить их от туземной или чужой тирании, которой они могут оказаться подчинены. И вместе со свободой они принесут им зерно, скот, лекарства, рабочие инструменты. Тогда да, цивилизация будет принята и распространится по всему миру, чтобы сделать всё человечество свободным, богатым, счастливым, умным.

Новые апостолы грубой силы, изнеженные и надушенные щеголи, играющие Родомонте среди прекрасных дам и отправляющие пролетариев на бойню ради славы монархии и ради кошелька банкиров, третируют нас как пацифистов.

Действительно, мы за мир, но только при условии, что он справедлив.

Пока есть привилегированные, которые поддерживают привилегию грубой силой, люди войны могут быть уверены, что мы не заключим с ними мира.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Эррико Малатеста
Наша внешняя политика
Война и Мир
7 марта 1914

Volontà (Ancona), год 2-1, №10. "La nostra politica estera. Guerra e Pace"
К сожалению, только первые три абзаца переведены с итальянского. Остальное - с
английского.

ru.anarchistlibraries.net